

Герц Н.

Г41   Между мной и тобой — моря: роман / Нурит Герц; пер. с иврита Г. Сегаль. — Москва: Текст, 2019. — 350[2] с.

ISBN 978-5-7516-1524-6

В центре этого исторического романа судьба и любовь реальных людей — известной израильской поэтессы Рахель Блувштейн и инженера Михаила Бернштейна. Они познакомились студентами в Тулузе в 1913 году, их роман длился два года, а потом жизнь разлучила их навсегда — она уехала в Палестину, он — в Петербург. И пролегли между ними моря и моря... Каждый из них прожил свою сложную, наполненную событиями, нередко трагическими, жизнь. Но осталась любовь. Остались письма, которые в течение долгих лет Михаил писал Рахели. Осталась драма, которая держит читателя, не давая ему оторваться от книги до последних страниц.

Нурит Герц — профессор литературы и кинематографии Открытого университета Израиля, лауреат престижных литературных премий.

На русском языке роман выходит впервые.

УДК 821.41
ББК 84(5Изр)

Оглавление

Предисловие	7
Глава первая	10
Глава вторая	62
Глава третья	87
Глава четвертая	122
Глава пятая	171
Глава шестая	230
Глава седьмая	298
Глава восьмая	323
Эпилог	342
<i>О некоторых персонажах, упомянутых в книге</i>	349

Предисловие

Михаил Бернштейн и Рахель Блувштейн встретились в Тулузе в 1913 году и расстались в 1915 году — она уехала в Россию, а он остался в Тулузе. Память об этой их встрече сохранилась в прекрасных двадцати девяти письмах, которые он ей написал, и эти письма — все, что осталось от их любви. Всего двадцать девять писем, но по ним, как по отдельным фрагментам рассыпавшегося пазла, можно мысленно воссоздать образ того, кто их написал. Неуверенный в себе, отчаявшийся человек, который пытается ухватиться за хоть какой-то из идеалов своего времени — социализм, сионизм, мечты о любви... И одновременно не может не понимать, что время и реальность сотворяют с этими идеалами. Это его обескураживает. В его письмах достаточно материала для того, чтобы угадать, какое будущее его ожидает, с ясностью увидеть его жизнь и судьбу, его метания между Россией и Палестиной, большевизмом и сионизмом. Но возникает и масса других вопросов, ответ на которые требует более глубокого расследования. Нужно понять, превратился ли он со временем в преданного большевика или, как знать, совсем наоборот — был арестован, подвергся репрессиям, сослан в ГУЛАГ или даже казнен, потому ли что не

стал коммунистом или по какой другой причине. Он писал рассказы и письма в стиле литературы отчаяния, многие годы провел за границей и не принимал активного участия в революции. Все это не помогало по-настоящему вписаться в эпоху сталинского террора.

Имеются и еще вопросы, на которые даже тщательное расследование, возможно, не дало бы ответа: если он был в заключении, вспоминал ли там, в тюремной камере, историю любви, которая была у него в Тулузе? А если под арест не попал, пытался ли он добраться до Палестины, чтобы возобновить свою с ней связь? Удалось ли ему это? Для нас вся его жизнь втиснута в эти письма. И следовало их расшифровать.

Историю любви этих двух людей следует подавать через призму *его* восприятия, ибо он и его любовь позволят нам по-новому увидеть и поэтессу Рахель Блувштейн, сбросить те вуали и мифы, которые окружали ее на протяжении долгих лет, узнать другую женщину. Итак, план намечен. Можно пускаться в дорогу, начинать поиск от слов и писем к реальной жизни.

Наталья Ямпольская, мой научный ассистент, делает первый шаг — роется в российских архивах, чтобы выяснить, существовал ли вообще такой человек или же и он, и его письма — не что иное, как литературный миф, созданный Рахелью или кем-то другим... Архивы показали, что Михаил Борисович Бернштейн действительно существовал. Даже и о его отце имеются сведения — он был врачом государственной больницы в Любани. Был у Михаила и брат по имени Александр, и в какой-то момент семья переехала в Ленинград.

Наталья продолжила свои поиски, а я начала планировать свою поездку в Тулузу. Можно поле-

теть прямым рейсом «Эр-Франс» до Парижа и там пересесть на поезд, идущий на юг, а можно и доехать до Марселя. Я проверяю варианты, цены. А если морем — пять дней от Хайфы до Марселя? Или все-таки полететь в Париж, а оттуда — на поезде?

Как оказалось, имеется и более короткий путь. Я нашла его с легкостью, и вот я уже в Тулузе. Начнем с экскурсии по реке, и потом кораблик выпускает пассажиров на берег; небольшая рощица, сбоку под мостом... а где же тот остров, напротив которого они сидели? А заросли тростника? Иду вдоль берега, вижу солнце слева, возле площади Капитолия; оттуда можно спуститься по мосту Вздохов обратно к каналу. Здесь все и происходило. Две женщины сидели на тротуаре и пели, и Михаил к ним присоединился; а потом прогулка к гумну, истории про Кинерет, которые она ему рассказывала.

Я выхожу из Google earth, закрываю клипы про Розовый город на YouTube, возвращаю карту 1912 года обратно в папку, на которой написано «Рахель» и выключаю компьютер. Я провела там целый день и вот сейчас вернулась. Завтра Михаил сможет пойти по этому городу, и первая фраза у меня уже готова: «Первым весенним днем Михаил Бернштейн идет по узкому, убегающему в поля переулку, идет и ничего не замечает».

Глава первая

Первым весенним днем Михаил Бернштейн идет по узкому, уходящему в поля переулку, идет и ничего не замечает. Не замечает солнечного луча, на миг блеснувшего на серебристых бидонах молочника и брызнувшего светом в деревянную лохань; не замечает детей в матросках, строем вышагивающих за своим учителем; не замечает женщины, тянущей в поле двух коз на веревке. Михаил в общем-то не идет, а рассеянно плетется по этой Аллее Вздохов в розовом городе Тулузе, а на дворе 1913 год. Подходит к перекрестку и что дальше — не знает. Вот возник бездомный, но бойкий пес — этому уж точно известно, куда держать путь; с шага он переходит на бег, и Михаил устремляется за ним, а на углу, возле Королевского сада, теряет его из вида. Отсюда можно свернуть налево, к тем козам, что еще не дошли до поля, но уже пощипывают траву у кромки тротуара, а то двинуться направо, к центру города. Туда ли, сюда ли — никакой разницы. На него уставилась какая-то дама с цветным зонтиком. Интересно почему? Из-за его черных волос, небрежно упавших на лоб? Или ей показалось, что он что-то ищет? А может, потому, что он вроде и не ищет ничего? Он продолжает путь и оказывается на площади Капитолия.

В здешних кафе в послеобеденный час — звон посуды, шум голосов, обрывки разговоров.

— Равель? Полный провал...

— Тур де Франс...

— Лично я — в салон красоты...

Толкуют про «Дафнис и Хлою», про отставку Клемансо...

— Елена Рубинштейн?* Это еще что за зверь?

И кто-то подводит итог длинного разговора:

— Пикассо? Да, разумеется, но эти кубические девы!

Где-то там, в Атлантическом океане, тонет, уходит в морские глубины пароход «Титаник». В России на золотых приисках, что на берегу Лены, расстреляны двести семьдесят забастовщиков. Еще через год разразится большая война. Но сейчас в небе Тулузы среди туч открылась голубая полоска. Пучок солнечных лучей пробился к террасе кафе «Бибан», а с нее ему машут два голубых рукава.

Кто-то кричит:

— Михаил Борисович!

Он оглядывается и видит ее.

Она сидит рядом с подругой Марией, обе в голубых шелковых блузках, обе рады ему, как нашедшемуся брату, хоть он и знаком-то только с Марией.

— Куда направляетесь, Михаил? — спрашивает Мария, а потом повелительно: — Посидите с нами! — И представляет его подруге: — Это Михаил Борисович, но можно звать его просто Михаилом.

— Да вот, иду в... — начал было он. Она его прерывает:

---

* Елена Рубинштейн (1872–1965) — знаменитая предпринимательница, основательница косметической линии и сети магазинов в США, Франции и Великобритании.

— Никуда вы не идете, а сидите здесь, с нами. —
И указывает на подругу: — Это Рая Исеровна Блывштейн, вы знакомы?

— Поверхностно.

— А сейчас познакомитесь как следует.

Рая пожимает ему руку:

— Рая, или Рахель.

— Очень приятно, — отвечает он.

И уже готов извиниться и повторить «Я иду в...», хотя куда именно, пока не решил. Но Мария его снова прерывает:

— Она приехала из Палестины, из Израиля.

— Да ну? Честное слово? — спрашивает он и усаживается.

И Рая, возможно, желая объяснить, почему они помешали ему идти туда, куда он направлялся, говорит:

— Знаете, какой там мир — все голубое и лиловое!

— Вы пишете стихи? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает за нее Мария. — Сама она считает, что занимается сельским хозяйством. А если и пишет, то про землю. Но на самом деле она художница.

— А вы кто? — спрашивает Рая.

— Да никто. Электротехник.

Что ж еще скажешь? Он не поэт, хотя когда-то его ящички были набиты стихами собственного сочинения. Не музыкант, хоть на пианино играет. Не врач, потому что, несмотря на связи отца, на медицинский факультет в Санкт-Петербурге не попал. Да пока что и не инженер. Он учится на электротехника в Тулузском университете и в минуты душевного подъема представляет себе, как всю Россию осветит новыми неоновыми лампами, только в этом году изобретенными; но минуты подъема случаются в его жизни нечасто.

— Слушайте, а я вас знаю, — вдруг вспоминает Рая. — Вы живете в пансионе госпожи Прат, изучаете электротехнику, так ведь? Я вас там видела.

Еще пара слов для углубления знакомства, еще пара изъявлений вежливости — и вот он уже осмеливается признаться, что когда-то, еще маленьким, мечтал иммигрировать в Землю Израилеву: он считал, что там, где живут праведники и халуцим*, люди вообще не умирают.

Потом приходится подключиться к их давешнему разговору, но как поддерживать беседу про Морриса и Филиппа, если ты с ними вообще не знаком?

— Особенно Моррис, — продолжает Мария какую-то прерванную фразу. — Вам не кажется, что он похож на героя из «Голода» Кнута Гамсуна? Будто только что взял в руки карандаш, и — voilà! — перед вами шедевр, который всех потрясет.

— Да это он *вас* хочет потрясти, а вовсе не всех, — говорит Рая, и они смеются.

Обе они здесь только на время. Мария уедет в Россию и станет работать на заводе, а Рая вернется к сельскому хозяйству в Земле обетованной.

— Я и сам здесь временный.

Они замолкают, глядят на него в ожидании, и после паузы, когда становится ясно, что объяснений не последует, Мария опять заводит прерванный разговор про Россию и про будущее.

— Когда жизнь будет не просто существованием, а... — Она не находит слов для описания этой новой жизни поэтому заявляет, что новый мир изображать не стоит, а нужно просто взорвать мир старый.

---

* Первопроходцы, пионеры (*ивр.*) — участники молодежного движения, целью которого была подготовка еврейских юношей и девушек к переселению в Палестину.

И признается, что вычитала это у Маяковского. Михаил, хорошо знакомый со стихами, которые Мария написала и издала маленьким сборником в Швейцарии, говорит ей тихо, почти шепотом, не желая обидеть:

— И как же именно вы собираетесь взрывать старый мир, когда ваши стихи кишат рыцарями, воинами с мечами и копьями и торговцами древностей с берегов Сены?

— Кто бы говорил! — отвечает она. — Вы ведь собирались перескочить на две с половиной тысячи лет назад, очутиться в седьмом веке, вернуться к великим эпосам. А не учли, что столетие туда, столетие сюда, и — бац! — из седьмого века ты попадаешь в пятый, из эпоса прямиком в трагедию. И там-то и застреваешь.

Она уже готова рассуждать и спорить, но вдруг переключается на длинный монолог о положении крестьянина в России — как он горбатится от темна до темна ради куска хлеба для своих детишек, а те и сами от темна до темна горбатятся. Рая явно заскучала, да и Михаил смотрит по сторонам, не решаясь сказать, что слышал эти тирады уже не раз и не два. Чувствуя, что слушатели подувяли, Мария замолкает, и беседа переходит на нечто более возвышенное: конечно, без Франции, без России, без науки жизнь возможна, но без прекрасного она немислима. Кто это сказал? Мария? Рахель? Михаил? Кто-то другой? И они вспоминают дорогу к райским кущам — туда, где вишня в цвету. Они говорят обо всем, порою в унисон, порой каждый за себя, и на мгновение начинает казаться, что это единый хор, который иногда рассыпается на три голоса и лишь изредка пресекается короткими, сдавленными репликами Михаила, а тот оглядывается и вдруг замечает, что люди-то вокруг просто прогуливаются, болтают, любят

красивыми нарядами, размышляют, какой бы им шкаф купить в детскую, и не спрашивают себя, зачем все это нужно.

Разговор в кафе «Бибан» все журчит, и к четырем часам этого солнечного весеннего дня, когда уже и посвежело, он разворачивает перед ними теорию Платона. Они слушают, с интересом вникают, и Мария приходит в восторг в основном от того, что эта помойная кошка, жадно за ними следящая в надежде урвать еще кусочек багета, — это всего лишь частичное, искаженное отображение истинной идеи кошки. Рая говорит, что эта кошка вовсе не кажется ей искаженной идеей, и для доказательства начинает разговаривать с ней и с ними:

— Да вы посмотрите, какая она красавица! И все понимает: видите, как она на меня смотрит?

Михаил говорит, что кошка всего-навсего хочет ее багет, и, пока оба они заняты кошкой, Мария пользуется случаем, садится на любимого конька и читает из брошюры, экземпляры которой дала и им: «Заприте на замки церкви, уничтожьте Бога, покончите с браками и наследным имуществом, обнажите ножи — час пришел!»

— Это не имеет значения! — говорит Михаил. — Все равно на том свете Папе Римскому придется мыть ноги босякам, оборванцам и обездоленным.

— Вам хорошо, вы еврей, — бормочет Мария.

— Ну и что?

И она как будто безо всякой связи говорит им обоим, Рае и Михаилу, обращаясь к ним во множественном числе:

— Вы везунчики. Родились в рубашке. У вас в домах кожаные кресла, ковры заглушают шаги прислуги. А я простая петербургская нищенка. Росла на свалке, пошла работать в одиннадцать лет.

— И как же вам удалось закончить учебу, если вы всю жизнь вкалывали по-черному? — спрашивает Михаил тихо и будто между прочим. Хотя он прекрасно знает, что Мария получила стипендию от некоего фонда, название которого вылетело у него из памяти.

Потом девушки возвращаются к какому-то частному, очень личному разговору о профессоре ботаники, в которого влюблена Рая, и Михаил решает, что пора распрощаться. Уже удаляясь, он еще слышит, как они хохочут и перебивают друг дружку словно девчонки. Рахель говорит, что, если бы соединить всех ее мужчин в одно целое, может, и получилось бы что-то путное. Мария рассказывает про любовь ее жизни, Гилюшу, который побывал вместе с ней в ссылке, тоже изгнан из России и вскорости приедет сюда. Они снова переключаются на Морриса, так и не описавшего своих приключений, на профессора ботаники, на различие между любовью и жалостью и на то, какой цвет у страсти — багровый, оранжевый? И вот уже не слышно их голосов, а жаль, потому что теперь они заговорили о нем.

— Он это искренне или выламывается? Кто он — нигилист, циник? — спрашивает Рахель.

— Возможно, и то и другое, — отвечает Мария и, подумав: — Но вы ведь его не знаете. Все не совсем так. Он не то чтобы не верит вообще — он не верит в самую *возможность* веры. То есть она да, возможна, но не там, где пребывает он. Его нужно убедить, что... — Она пробует объяснить и бросает на середине, и вот уже перекинулась с Михаила на Илюшу. Рая бросает «да» и «нет», но ее всё не оставляют светлые, затуманенные глаза Михаила, которые наблюдают за серой кошкой из мира платоновских идей, а потом обращаются к ней и пристально вгля-

дываются, будто пытаюсь найти в глубине ее глаз нечто истинное, то, что и она подобно кошке прячет — ее настоящую сущность.

А тем временем он уже вернулся домой, в пансион госпожи Прат, и с минуту тяжелым взглядом осматривает свою комнату: полка с несколькими книгами, захламленный стол, кровать, голые стены — никаких картин, никаких занавесок, никаких цветочных горшков, даже банок; и вдруг он задумывается: у нее глаза голубые или серые? А что, если там, у Кинерета, и правда можно найти настоящее счастье? И кто он, этот Ноах? И говорит себе: «Ну я хотя бы не растрачиваю свое отчаяние на пустые вымыслы».

При встрече он не признался, что не раз видел ее в кафетерии пансиона. В университете, на аграрном факультете, с ней учатся пять сотен парней, все они за ней увиваются, а ей и хорошо, да и там, в Палестине, ее тоже ждут товарищи-халуцим. Что ей до него? И какое ему дело, голубые у нее глаза или серые? Он залез в кровать. А утром, когда откроет глаза и вместо света увидит мрак, не сообразит, что просто вчера решил спать допоздна и, чтобы ему не помешали, плотно закрыл ставни.

* * *

На самом деле это случилось не сразу, а могло не случиться и вовсе, не спеша в тот день Мария с Рахелью в студенческий клуб и не услышь они из соседней с залом комнаты звуков рояля, да таких нежных, будто нет там ни молоточков, ни дерева, а клавиши просто бегут по воде.

— Пошли, мы опаздываем! — Мария тащила ее и подгоняла, но Рахель замерла на месте.

О некоторых персонажах, упомянутых в книге

Даниил Хармс (1905–1942) — писатель, учившийся в Электротехникуме в те годы, когда там преподавал Михаил Бернштейн (1924–1926); по-видимому, там они и познакомились.

Тамара — возлюбленная Даниила Хармса. Ее имя упоминается в его письмах.

Мария Шкапская (1891–1952) — поэтесса, с которой Рахель познакомилась в Тулузе и впоследствии продолжала переписываться. Их переписка хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Раиса Смайловна Зарецина — родилась в 1896 году, вышла замуж за Михаила в 1933 году. Дата смерти неизвестна.

Борис Семенович Бернштейн (1884–1926) — отец Михаила.

София Марковна Бернштейн — мать Михаила, дата рождения неизвестна. Умерла в 1929 году.

Елизавета Николаевна и Вера Александровна — две российские дамы, некоторое время проживавшие в Тулузе и там общавшиеся с Рахелью и Михаилом.